Вятское Духовное училище
Епархиальная комиссия по канонизации
Приход церкви Иоанна Предтечи г.Вятки (Кирова)

Научно–практическая конференция

«Православие на Вятской земле»

г.Вятка (Киров)
2003

По благословению
Высокопреосвященнейшего
Хрисанфа
архиепископа Вятского и Слободского

Религиозно-просветительское, научное,
некоммерческое издание

Православие на Вятской земле. Материалы научно-практической конференции. Составители: священник Александр Балыбердин, Артемий Маркелов. Научный редактор – к.и.н., священник Сергий Гомаюнов. Киров, ЦДОПШ, 2003. – 94с.

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ
ДРЕВНЯЯ ВЯТКА: ОТ ЯЗЫЧЕСТВА К ПРАВОСЛАВИЮ

Л.Д.Макаров (Ижевск)

Заселение региона славянами началось со среднего течения р.Вятки, куда потомки словен, кривичей и вятичей, впитавшие к тому времени многие элементы культуры и антропологического типа волжских финнов (Алексеева Т.И., 1973, с.23, 49-51, 199; Леонтьев А.Е., Рябинин Е.А., 1980), направляются во второй половине XII - начале XIII вв. Кроме того, часть славян и финнов, теснимая углублявшейся государственной колонизацией и наступлением Православной Церкви, уходит в глубинные районы Заволжья и Нижнее Прикамье. Пришельцы вступают в контакт с аборигенами Вятского края, причем конфликты между ними достаточно быстро уступили место мирному сосуществованию. Изолированность региона, усилившаяся после нашествия Батыя, способствовала консолидации ранее разобщенных волостей с их различными группами русского и финно-угорского населения в рамках единой независимой Вятской земли. Различные источники позволяют проследить особенности межэтнических контактов на территории края и, в частности, в духовной сфере (Макаров Л.Д., 1991, с.142-145).

На памятниках Камско-Вятского междуречья обнаружены археологические материалы, позволяющие охарактеризовать взаимодействие финно-пермских традиций с пришлым славяно-финским язычеством и православием (Макаров Л.Д., 1996). Что касается финно-угорских древностей региона X – XIV вв., предшествующих древнерусскому проникновению, либо совпадающих с его началом, то среди них имеются находки, отражающие языческие верования аборигенов Вятского края – пермян («чуди и отяков») и пришлых вместе со славянами финнов (или ославяненных финнов). В числе предметов, несущих сакральную информацию, отмечу, в первую очередь, бронзовые украшения. Некоторые из них свидетельствуют о бытовании аграрных культов – например, копоушки с круглой лопаточкой, орнаментированной литым растительным узором, близким изображениям цветка в стадии его опыления в агарной символике славян XII – XIII вв. (Рыбаков Б.А., 1987, с.577, рис.99, 100); они найдены в слое XI – XIII вв. Вятского городища и на поселении Ботыли IV. Квадратная накладка рубежа I – II тыс. н.э. с изображением орла, хватающего когтями зверя, обнаружена на Никульчинском городище. Предполагается, что изделие являлось древним тотемом одной из воршудно-родовых групп северных удмуртов (кушья) (Атаманов М.Г., 1980, с.14-15, 58; его же, 1988, с.32-33). Тотемический смысл элементов животных ряда воршудов позднее трансформировался в промысловый культ (Зеленин Д.К., 1980, с.129). А в удмуртском фольклоре образ орла символизировал справедливое возмездие, реже он был предвестником несчастья (Яшин Д.А., 1986, с.53-59).

Наиболее массовое распространение у финно-угорского населения получили культы водоплавающей птицы и коня. Отражением первого являются находки плоской птицевидной подвески XII – XIII вв. (Ковровское городище) и привесок-лапок (Никулицын). По мнению Е.А.Рябинина (1981, с.18-19), подвески этого

типа имели явное северо-восточное происхождение (окрестности Костромы и бассейн р.Камы). Оформление культа кон относится к более позднему времени и связано с возрастанием роли коневодства в хозяйстве финно-угорских племен. Однако если биякорьковая подвеска XII – XIV вв. (Мокины) имеет бесспорно прикамское происхождение (Оборин В.А., 1970, с.14-16), то синхронная ей полая двухголовая – новгородские корни (Рябинин Е.А., 1981, с.39-40). Образ коня символизировал в рамках космогонических представлений финно-угров солнце и воду и восходил в своей основе к более ранним тотемическим представлениям, о чем свидетельствует ношение литых конских фигурок в качестве амулетов-оберегов (Голубева Л.А., 1966, с.80). Носили их на груди или поясе в надежде на защиту, благополучие и «плодородие». При этом двуглавость коней усиливала, возможно, обозначенные выше функции амулета (Голубева Л.А., 1966, с.83; ее же, 1979, с.6). Культ коня широко проявился и в аграрной магии восточных финнов при жертвоприношениях животного, которому оказываются перед этим особые почести (Горюнова Е.И., 1961, с.140).

Культ почитания животных был присущ и славянам, особенно в регионах, соседних с финно-угорскими, либо характеризующихся чересполосностью этносов. При этом в отличие от финно-угорских традиций с их чрезвычайно развитым почитанием водоплавающей птицы, имеющем ярко выраженное космогоническое значение, у славян основной фигурой в языческой мифологии выступал конь, с древнейших времен функционировавший в аграрно-магической обрядности, в частности давно замечена его связь с культом великого женского божества природы, земли и плодородия. Конь являлся символом добра, благоденствия и счастья (Рябинин Е.А., 1981, с.56-57), он был защитником от нечистой силы (Афанасьев А.Н., 1863, с.630), ему отводилась важная роль в языческих славянских обрядах, например, русалиях (Рыбаков Б.А., 1967, с.101).

Кроме того, конь в древности символизировал одновременно солнце и воду, что, по мнению Б.А. Рыбакова (1953, с.63-64), объясняется представлениями об особенностях солнечного пути (по небу, под землей и по воде). Е.А.Рябинин замечает, что верования, связанные с конем (солярный круг), более всего сближают мировоззрение славян и финно-угров (1981, с.57).

Культ солнца отразился и на других средневековых находках Вятской земли, например на копоушках с прорезным изображением креста, вписанного в круг (Никулицын, Худяки), на основе шумящей подвески из Никулицина с орнаментом-полусферой, окаймленной змейкой-жгутом. Солярные знаки в виде различных композиций из окружностей, ямок и радиальных лучей встречены на пряслицах, грузилах, гончарных клеймах, а циркульный орнамент был нанесен на многих предметах (наконечник стрелы, перстень и др.).

На поселениях региона обнаружены и предметы славянского языческого культа X-XIII вв.: фигурка Перуна в виде бородатого мужчины в шапочке и с рогом в правой руке (Хлынов), аналогичная находкам на большой территории – от Новгорода до Западной Сибири и от Прикамья до о.Вайгач (Алешковский П.М., 1980; Макаров Л.Д., 1993); антропоморфная фигурка в овале (Никулицын); привеска-ложка (Вятское городище) – символ сытости, благосостояния и довольства (Успенская А.В., 1967, с.94-95) и привеска-топорик (Никулицын) – символ Перуна (Рыбаков Б.А., 1951, с.399-404). Привески-топорики являлись знаками принадлежности к воинскому сословию и вручались сыновьям

дружинников при их постриге (Макаров Н.А., 1992, с.51). Впрочем, недавно, предложена иная трактовка миниатюрных топориков, основанная на отсутствии их у славян в дохристианский период, что само по себе настораживает. По мнению М.Рослунда аналогичные топорики были не языческими амулетами, а свидетельством распространения на Руси культа Св. Олава (Андрощук Ф.А., 1999, с.161). На поселениях обнаружены также амулеты из клыков и зубов животных, аналогичные находкам у финно-угров Прикамья, волжских болгар и славян. Интересно, что амулеты могли порой совмещать функции и языческого, и христианского оберега (например, найден амулет с надписью: «Господи, помози») (Мусин А.Е., 1990, с.73). Функции оберегов выполняли, вероятно, и две подвески из речных раковин, найденные на Вятском городище.

К предметам языческих суеверий относятся и кремневые «громовые стрелы» - орудия труда эпохи камня и бронзы, которые (как и белемниты – «чертовы пальцы») связывались обычно с попаданием в землю вместе с ударом молнии и выходом на поверхность через 3 или 7 лет. Считалось, что посредством «громовки» Илья-пророк убивает дьявола. Неспроста их считали оберегами от грозы, пожаров и некоторых болезней. Эти поверья нашли отражение в литературе, например в «Луцидариусе» («бывает же в то время молния и исходят на землю падающие стрелки громные и топорки серовидны»). Данные суеверия осуждались церковью сразу после введения православия, например, в «Кормчей» (Афанасьев А.Н., 1983, с.78-79), и позднее - в «Домострое» (Домострой, 1990, с.120). На Вятке они также зафиксированы, местные крестьяне использовали «громовки» в качестве лечебных средств и амулетов (Спицын А.А., 1893, с.15-24).

Большой интерес представляют два амулета-змеевика XIV в., отлитые в одной литейной форме: один обнаружен в Мало-Пургинском районе Удмуртии, второй в верховьях Камы или Чепцы (Первухин Н.Г., 1896, с.126, рис.118). По суждению специалистов, змеевики имеют византийские истоки и являются памятниками смешения христианских и языческих представлений в Древней Руси в эпоху «двоеверия». Они были амулетами охранительного характера, оберегая владельцев от болезней, причем оберегами выступали и языческая композиция со змеями, и христианская символика в виде святых воинов-всадников (Николаева Т.В., Чернецов А.В., 1991, с.21, 31-46, 72-73, рис.1-5, табл.XIV-1,2). Показательно, что славянская языческая атрибутика проявилась даже на таких предметах культа, как кресты-тельники, что можно трактовать как отражение сохранившихся реликтов «двоеверия». Так, в орнаментике некоторых 4-конечных крестов с прямоугольными концами XIII-XIV вв. использованы элементы плетенки и даже «змеиной» композиции. Подобный реверанс в пользу язычества отмечен и для эмальерных энколпионов Руси (Рыбаков Б.А., 1987, с.610, рис.106).

Погребальный обряд также свидетельствует о длительном сохранении язычества в мировоззрении выходцев из Древней Руси. Особенно показательны материалы двух некрополей. Шабалинский могильник XII-XIV вв. (?), оставленный обитателями древнего Котельнича (Ковровское городище), выделяется малой глубиной захоронений (0,2-0,4 м), что свидетельствует об очевидной древности этого безинвентарного кладбища. Здесь зафиксировано несколько парных могил, расчлененный костяк, а также признаки человеческого жертвоприношения (два погребения, в которых поверх костей ног располагалось

по два черепа). На Еманаевском могильнике XII-XIV вв. на р.Пижме (раскопки Н.А.Лещинской 1985 и 1986 гг.) могилы расходятся от центральной площадки в разные стороны (в виде веера), соответственно меняя ориентацию. Похожая планировка могил зафиксирована на грунтовых могильниках X-XIII вв. в Новгородской земле (Конецкий В.Я., 1984, с.162-164). Однако, здесь обнаружены черты, неизвестные на других славянских памятниках. Подавляющее большинство захоронений (61 из 72) совершено по способу трупоположения. В 7 ямах выявлены остатки кремации покойных, причем они образуют на плане могильника овал (14х7 м). Выявлены также: 4 погребения с частичной кремацией; парное захоронение взрослых, убитых стрелами X-XIV вв.; две ямы без костяков (в одной из них был бронзовый браслет IX-XIV вв.) – судя по всему, это условные погребения погибших где-то вдали от родины – кенотафы; захоронения двух черепов; могилы двух умерших с подогнутыми ногами, предположительно - волхвов (Моця А.П., 1987, с.89-92), что находит прямое подтверждение в фольклоре и этнографии славян (Афанасьев А.Н., 1983, с.398-399). В центре могильника найдены два фрагмента славянской керамики – признак языческого обычая битья посуды на кладбище. По аналогии с новгородскими некрополями в центре площадки должно было находиться какое-то культовое сооружение. Здесь на пустом пространстве располагалась яма прямоугольной формы размером 105х55 см и глубиной 59 см. Предполагается, что в нее был вкопан деревянный идол, который располагался в языческом храме (Макаров Л.Д., 2001, рис.42, 43), подобном постройкам на славянских городищах-святилищах (Русанова И.П., Тимощук Б.А., 1993, рис.39). Другие ранние могильники также имеют явные языческие элементы как славянского, так и финно-угорского происхождения (наличие в засыпи углей, кальцинированных костей, фрагментов битой керамики, отдельных вещей, погребальных конструкций из коры и бересты, неустойчивой ориентации погребенных и положения рук, малой глубины захоронений), количество которых постепенно сокращается к концу рассматриваемого периода, уступая место ортодоксальному православному обряду (Макаров Л.Д., 1990).

Заметной задержке проникновению официального православия на Вятку способствовало особое положение вятского священства в системе Русской Православной Церкви вплоть до ликвидации независимой Вятской земли в 1489 г. В митрополичьих грамотах второй половины XV в. прямо зафиксировано отсутствие сведений о происхождении вятского клира. Обвинения последнего в различных нарушениях ортодоксального православия, несмотря на всю их политическую подоплеку, показывают бесспорный православно-языческий симбиоз в духовной жизни вятчан, до некоторой степени сопоставимый с еретическими уклонениями (см. об этом: Макаров Л.Д., 1994, с.313-314).

И, тем не менее, православие неуклонно пробивало себе дорогу, что нашло отражение в унификации погребальной обрядности (западная ориентация могил, господство обряда трупоположения, углубление могильных ям, безинвентарность погребений, согнутое положение рук покойных на костях таза или грудной клетки), появлении культовых построек, распространении православных писанок, крестиков, энколпионов, образков и иконок, практике крестных ходов, почитании общерусских и местночтимых святых и икон.

На Вятке известны остатки одной постройки, которые предположительно связываются с православным культовым помещением – это комплекс на р.Пижме на поселении Покста II – могильник Покста (XII-XV вв.). Здесь, в центре свободного от погребений пространства (7х4 м), выявлена подпольная яма с развалом глинобитной печи. К северу и югу от нее зафиксированы три канавки от заглубленных в грунт изгородей, также не нарушенных могилами. Эти остатки можно трактовать как следы теплой кладбищенской церкви или часовни, рядом с которой и за изгородью совершались захоронения покойных. К сожалению, ни внешний вид, ни точные размеры постройки нам не известны. Впрочем, в славяно-русской археологии пока не выявлены детали деревянных храмов, что вынуждает специалистов обращаться в поисках аналогий к более поздним постройкам, извлекая из них архаичные элементы, либо к данным этнографии (Макаров Л.Д., 1996а). Именно эти источники и позволили дать реконструкцию комплекса (Макаров Л.Д., 2001, рис.44,45). Обнаружены косвенные признаки культовых помещений, а точнее – красных углов, где находились иконы и освещающие их приборы. В углу жилища на поселении Искра XIII-XIV вв. найдена кацея-кадильница, железные подсвечники этого же времени обнаружены в Никулицыне, глиняный – в Хлынове (жилище XIV-XV вв.).

Из культовых предметов индивидуального пользования на памятниках Вятской земли обнаружено более 20 крестов-тельников, 5 створок и 3 оглавия от энколпионов, 2 каменных и 3 металлических иконки, глиняные яйца без поливы – заготовки пасхальных писанок, датирующиеся в целом XII-XV вв. (Макаров Л.Д., 1996, с.39-43, рис.3-9-11, 13, 15; 4; его же. 2001, рис.59; 60).

На Вятке со времени появления здесь новгородцев складывается почитание общерусских, а позднее и местночтимых святых: князей Бориса и Глеба, Георгия Победоносца, Николая Чудотворца (Николы Можайского и Николы Великорецкого), Стефана Пермского, Прокопия Устюжского, Трифона Вятского, Иоанна Пустынного (впоследствии отменен), Марии Убиенной (Верещагин А.С., 1901; Зеленин Д.К., 1906; Эммаусский А.В., 1956, с.199-203; Макаров Л.Д., 1994а, с.32-33; его же, 1996б; Низов В.В., 1995; Халявин Н.В., 1994, с.122-132). Почитание святых, а также икон (Св. Бориса и Глеба, св. великомученика Георгия, св. пророка Ильи, свят.Николая Чудотворца, образа Спаса Всемилостивого, Тихвинской иконы Божией Матери, образов «Спаса Колотого» и архистратига Михаила) было тесно связано с совершением крестных ходов, древнейшие из которых – Никулицынский, Волковский, Великорецкий, Низовый, Сырьянский, Верховский, Куринский, 4 Хлыновских (Иосиф, 1870; Макаров Л.Д., 1996б). Любопытно, что в одном из них, Волковском, использовали во время хода с иконой св.Георгия «вотские стрелы» (Иосиф, 1870, с.57) – окованные железом кремневые орудия, которые хранились здесь еще в XIX в. (Зеленин Д.К., 1904, с.154), но в 1824 г. были изъяты консисторией. Это еще один пример язычества в православной практике Вятского края. Впрочем, элементы языческих традиций были широко распространены у вятчан еще в конце XIX – начале XX вв. Они вполне мирно уживались с официальным православием, незаметно переплетались с ним и воспринимались как неотъемлемая часть духовной культуры, составляя, по существу, «народное православие». Отголоски многих традиций бытуют у жителей Вятского края до настоящего времени.

Литература

Андрощук Ф.А., 1999. Древнерусские вещи Швеции (попытка предварительной оценки) // 60 лет кафедре археологии МГУ им.М.В.Ломоносова. Тез. докл. юбил. конф. М. С.160-162.

Алексеева Т.И., 1973. Этногенез восточных славян по данным антропологии. М.: Наука.

Алешковский П.М., 1980. Языческий амулет-привеска из Новгорода // СА. №4. С.284-287.

Атаманов М.Г., 1980. Микроэтнонимы удмуртов // Микроэтнонимы удмуртов и их отражение в топонимии. Ижевск. С.3-66.

Атаманов М.Г., 1988. Удмуртская ономастика. Иж: Удмуртия. 168 с.

Афанасьев А.Н., 1983. Древо жизни: Избр. статьи. М.: Современник.

Афанасьев А.Н., 1986. Поэтические воззрения славян на природу. М. Т.3.

Верещагин А.С., 1901.Почитание на Вятке Николы Можайского в XVII веке // ПККВГ на 1902 г. Вятка. Отд.2. С.36-49.

Голубева Л.А., 1966. Коньковые подвески Верхнего Прикамья // СА. №3.

Голубева Л.А., 1989. Зооморфные украшения финно-угров // САИ. М.: Наука. Вып. Е1-59. 112 с.

Горюнова Е.И., 1961. Этническая история Волго-Окского междуречья // МИА.М.№ 94.267с.

Домострой, 1990. М.: Советская Россия.

Зеленин Д.К., 1904. Кама и Вятка: Путеводитель и этнографическое описание Прикамского края. Юрьев. 180 с.

Зеленин ДК., 1906. К вопросу о ходе древнейшей русской колонизации в Вятский край // ПККВГ на 1906 г. Вятка. Отд. 2. С. 52-65.

Зеленин Д.К., 1980. Что такое «воршуд»? // Микроэтнонимы удмуртов и их отражение в топонимии. Ижевск. С. 118-132.

Иосиф, 1870. О крестных ходах вятских // ПКВГ на 1870 г. Вятка. С. 55-74.

Конецкий В.Я., 1984. Некоторые итоги исследования древнерусских грунтовых могильников в центральных районах Новгородской земли // Археологические исследования Новгородской земли. Л. С. 154-172.

Леонтьев А.Е, Рябинин Е.А, 1980. Этапы и формы ассимиляции летописной мери (постановка вопроса) // СА, №2, С.67-79.

Макаров Л.Д., 1990. Погребальные памятники русского населения Вятской земли (XII-XVII вв.) // Взаимодействие древних культур Урала. Пермь. С.63-73.

Макаров Л.Д., 1991. Формирование территории Вятской земли в XII-XIV вв. // Исследования по средневековой археологии лесной полосы Вост. Европы. Ижевск. С.140-154.

Макаров Л.Д., 1993. Славянские языческие амулеты со Средней Вятки // Плесский сборник. Плёс. Вып.1. С.197-201.

Макаров Л.Д., 1994. О сословной структуре населения Вятской земли до конца XIV в.: (К постановке проблемы) // Сословие и государственная власть в России. XV-середина XIX вв.: Международная конференция – Чтения памяти акад. Л.В.Черепнина. М. Часть 1. С.306-318.

Макаров Л.Д., 1994а. Возникновение и первоначальное развитие города // Энциклопедия земли Вятской: в 10 т. Киров. Т.1: Города. С.10-34.

Макаров Л., 1996. Язычество и христианство в духовной жизни населения Камско-Вятского междуречья в период развитого и позднего средневековья // ФУ. №2. С.23-49.

Макаров Л.Д., 1996а. О древних культовых постройках Вятской земли (XII-XV вв.) // Полевой симпозиум «Святилища и жертвенные места финно-угорского населения Евразии». Пермь. С.55-570.

Макаров Л.Д., 1996б. О древних святых и крестных ходах Вятской земли // Христианизация Коми края и ее роль в развитии государственности и культуры. В 2-х т. Сыктывкар. Т.1. С.146-152.

Макаров Л.Д., 2001. Древнерусское население Прикамья в X-XV вв.: Учебное пособие. Ижевск. 143 с.

Макаров Н.А., 1992. Древнерусские амулеты-топорики // РА. №2. С.41-56.

Моця А.П., 1987. Население Среднего Поднепровья IX-XIII вв. (по данным погребальных памятников). Киев: Наукова думка. 168 с.

Мусин А.Е. 1990. К характеристике русского средневекового мировоззрения (Проблема «двоеверия»: методологический аспект) // Конференция «Реконструкция древних верований: источники, метод, цель»: Тез. докл. Л.

Низов В.В., 1995. Небесные покровители новгородских ушкуйников // Церковная археология: Материалы конференции. СПб.; Псков. Ч.1. С.119-125.

Николаева Т.В., Чернецов А.В., 1991. Древнерусские амулеты-змеевики. М. 125 с.

Оборин В.А., 1970. Этнические особенности средневековых памятников Верхнего Прикамья // ВАУ. Свердловск. Вып.9.

Первухин Н.Г., 1896. Опыт археологического исследования Глазовского уезда Вятской губернии. Примечания редакции. // МАВГР. М. Вып.2. С.13-127.

Русанова И.П, Тимощук Б.А., 1993. Языческие святилища древних славян. М. 217 с.

Рыбаков Б.А., 1951. Прикладное искусство и культура // История культуры Древней Руси. М.-Л.: Изд-во АН СССР. Т.2. С.396-464.

Рыбаков Б.А., 1953. Искусство древних славян // История русского искусства. М. Т.1.

Рыбаков Б.А., 1967. Русалии и Симаргл-Переплут // СА. №2.

Рыбаков Б.А., 1987. Язычество Древней Руси. М. 784 с.

Рябинин Е.А., 1981. Зооморфные украшения Древней Руси X-XIV вв. // САИ. Л.: Наука. Вып. Е1-60. 123 с.

Спицын А.А., 1893. Приуральский край. Археологические розыскания о древнейших обитателях Вятской губернии // МАВГР. М. Вып.1. 192 с.

Успенская А.В., 1967. Нагрудные и поясные привески // Очерки истории русской деревни X-XIII вв. М.: Советская Россия. (Тр. ГИМ. Вып.43). С.88-132.

Халявин Н.В., 1994. К вопросу о ранней истории Вятской земли // История Удмуртии в школе: (Материалы науч.-практ. конф.). Ижевск. С. 120-135.

Эммаусский А.В., 1956. Исторический очерк Вятского края XVII-XVIII веков. Киров. 242 с.

Яшин Д.А., 1986. Мотив превращения в удмуртских народных сказках // Проблемы эпической истории удмуртского фольклора и литературы. Устинов.

О ВОСТОЧНЫХ ПРЕДЕЛАХ РОСТОВСКОЙ ЕПАРХИИ В XIV в.

Н.А.Хан (г.Киров)

Общеизвестно, что крайним форпостом русской, а точнее ростово-суздальской колонизации Европейского Северо-Востока был г.Устюг.

Начиная с 13 в. Устюг являлся центром земель Ростовского княжества на Северной Двине, Ваге, Сухоне (Кучкин В.А., 1980, с.43). Форпост ростовской колонизации на Северо-востоке Европе - Устюг - был основан, согласно хронологически первому уникальному сообщению Вычгодско(Коми)-Вымской летописи в 1212 г., когда "князь ростовский Костентин Всеволодыч заложил град Устюг Великый за 4 стадии от Гледена и детинец и церкви устроив в нем...." (Документы по истории Коми, с.257).

"Все данные говорят за древнюю связь Устюга именно с городом Ростовым", - писал А.Н.Насонов (1969, с.346).

С 1297 г. сретенская половина Ростова г. являлась куплей, т.е., согласно К.А.Аверьянову, приданым Юрия Даниловича, полученного им при первом браке (Аверьянов К.А., 2001, с.190-196). С самого начала своего великого княжения, московский князь Иван Данилович, выдал свою дочь Марию за Константина Васильевича Ростовского (Кучкин В.А., 1980, с.30, 41-42), включив, тем самым Ростовскую землю в орбиту свой политики.